

Лермонтов с необыкновенной яркостью и полнотой выразил трагедию своих современников. В его поэзии обрела голос целая эпоха в идеальной жизни русского общества ^{х)}.

Естественно, что в конце 30-х гг критика уделяла Лермонтову значительное внимание. Его обвиняют и защищают. Его объясняют. О нем сожалеют, его ненавидят и любят. В споре о нем нет равнодушных. Можно сказать, что в 30-е годы Лермонтов - не только одна из центральных фигур в русской литературе, но и в русской критике. Затем спор о натуральной школе и рождение большой прозы как-то совершенно вытесняет Лермонтова. Его имя почти не упоминается в конце 40-х и в 50-е годы. Во всяком случае, мы не встретим в журналах тех лет сколько-нибудь значительных статей о Лермонтове.

х)

Один интересный эпизод может иллюстрировать это. По свидетельству Полонского, Кюшников, посвятивший свою лирику переживаниям рефлектирующей личности, перестал писать, когда начал печататься Лермонтов. Кюшников считал, что Лермонтов сказал о духовной драме своего поколения все и сказал так, как это было единственно возможно. Даже, если в действительности это и было не совсем так, возникновение подобной легенды достаточно ярко свидетельствует, как обстояло дело в сознании современников и ближайших потомков обоих поэтов. См. об этом в книге Н.Л.Бродского "Поэты кружка Станкевича". СПб. 1913, стр. 13.

В 60-е годы положение меняется. В критике начинается серьезная работа по освоению предшествующей литературы. Наследство классиков используют как оружие в литературно-общественной борьбе. В центре споров — Гоголь и Пушкин. Но теперь и о Лермонтове вспоминают и критики и писатели-художники. Понять этого поэта, взглянуть на него по-новому, принять одно или отвергнуть другое, быть может найти в нем свойства, которых не могли увидеть его современники. Вот задача. В 60-е годы она где-то на втором плане, только как один из участков литературной борьбы — не существует. И, может быть, один из путей такого нового прочтения поэта — народил.

Конечно, времена изменились, времена очень изменились теперь, если можно написать:

Спи пострел, пока безвредный,

Баюшки-баю!

Тихо смотрит месяц медный
x)

В колыбель твою.

или:

В убогой избушке лежит одиноко

На голове соломе бедняк.

xx)
(Вейнберг)

Примеры "перепевов" Лермонтова в демократической печати 60-х гг можно умножать. Читаешь, и невольно приходит мысль: да только ли это "перепевы"?

x)

Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. М. 1938, том. 1, стр. 20.

xx) "Поэты Искры". Библ. поэта. Малая серия. Л. 1950, стр. 153.

Жизнь изменилась, иначе видит ее поэты. И то прекрасное, немеркнувшее, общечеловеческое, что увидел в "Казачей колыбельной" Белинский, не исчезло - отошло как-то в сторону. И тоска вечно-беспокойной мечты, такая человеческая тоска лермонтовской "Сосны", скованной ледяным холодом - она тоже как-то отделилась от людей, которые говорят: "Дело, господа, делать надо!".

В поэзии искали определенности, ясности, точности. Приземленное, а иногда и нарочито буквальное толкование лермонтовских образов давало повод обвинять поэта в незначительности содержания. В этом смысле далеко не случайна статья Варфоломея Зайцева, которая в утрированной, карикатурно грубой форме все же выражает свойственную времени тягу к определенности и некоторому утилитаризму в отношении к литературе. "Сочинения Лермонтова. Стихотворения К. Павловой"^{х)}. Само сочетание имен в заглавии достаточно выразительно говорит об отношении автора статьи к Лермонтову. Лермонтов об"явлен поэтом "провинциальных барышень" и "мечтательных служителей Марса". Зайцев "развенчивает" Демона и Печорина, используя известные приемы "разрушителей эстетики", позднее с большим блеском и остроумием примененные Писаревым в статьях о Пушкине.

Такой откровенный утилитаризм и неслыханно дерзкий бунт против признанного поэта не мог не вызвать возмущения в среде дворянской интеллигенции. В статье "Взбаламученное море" Аполлон Григорьев нападает на роман Писемского за "озлобленное продергивание" и "нигилистическое забвение заслуг протеста", "будущего так энергично сонную тину нашего общественного болота"^{хх)}.

х)

В.А.Зайцев. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. Москва, 1934, стр. 51.

хх)

А.Григорьев "Взбаламученное море". Якорь, 1863, № 25, стр. 483-487.

И критик отмечает сходство позиции Писемского в отношении и "людям 40-х годов" и взгляда Зайцева на Лермонтова. "Есть, как хотите, есть солидарность у двух, повидимому, враждебных направлений, у нигилизма и у реакции мешанства"^{х)}.

В глазах Григорьева протест людей 30-х годов - вершина русской оппозиционности.

Для революционеров-демократов - это пройденный этап. Настала пора от размышлений перейти к делу.

Настали годы, когда в литературной критике происходило решительное размежевание между идеалистическим и материалистическим направлением.

Для либерально-дворянской интеллигенции было неприемлемо не только смелое обращение с литературными святынями, но сами материалистические взгляды революционеров-демократов на искусство. В противовес "грубому утилитаризму" "семинаристов" дворянская критика выдвигала миф о "чистом" искусстве, славил "истинную поэзию", недоступную скоропреходящим страстям современности и питающуюся вечными идеалами Красоты и Добра.

Как известно, разгорелась острая журнальная борьба. Обе стороны искали себе авторитетных союзников в литературе прошлого. Заговорили о "гоголевском" и "пушкинском" направлениях и стали противопоставлять их. Следы этого полемического противопоставления можно видеть и у Чернышевского в "Очерках гоголевского периода", где мелькает мысль, что "...критический элемент играл в нашей литературе до Гоголя второстепенную роль... Ничего определенного не было в ее содержании, ... потому что в ней почти вовсе не было содержания (подчеркнуто нами - Ж., Ж.)"^{хх)}. В "Очерках" Чернышевский

^{х)} А. Григорьев "Взбаламученное море". Якорь, 1863, № 25, стр. 483-487.

^{хх)} Чернышевский. Полное собр. соч. ОГИЗ, М., 1947, т. 3, стр. 19.

много внимания уделяет критике гоголевского периода - деятельности Велииского. Он вслщески подчеркивает не только пронщательность и гениальное чутье критика, но постоянно с восхищением говорит о его непримиримости к литературным рутинерам, к реакции, о его беспощадности в борьбе со всем отсталым за передовую демократическую литературу. Если учесть, что Чернышевский считал некрасовский "Современник" продолжателем традиций "критики гоголевского периода", то "Очерки" воспринимаются не только как историко-литературные статьи, но как программа революционной демократии в области литературной критики.

В том же 1856 г., когда в "Современнике" печатались "Очерки гоголевского периода", в "Библиотеке для чтения" появилась большая статья Дружинина "Критика гоголевского периода и наше к ней отношение"^{х)}.

В статье о Лермонтове не место рассматривать все литературные взгляды участников полемики. Но необходимо представлять себе самый принцип подхода критиков к литературе как процессу. Иначе их отношение к Лермонтову может показаться случайным.

Принципиально различный подход к литературе Чернышевский и Дружинин обнаруживают в вопросе о натуральной школе.

В "Очерках гоголевского периода" Чернышевский рассматривает натуральную школу как явление глубоко закономерное. Ее возникновение было подготовлено всей предшествующей русской литературой. Она отразила современное состояние передовой мысли. Ее суждено развиваться далее и подготовить следующий, еще более высокий этап развития русской литературы.

х)

Дружинин. Собр. соч. Спб. издание "Гербель", 1865-1867, т. 7, стр. 189-243.

Для Дружинина натуральная школа была случайностью, плодом заблуждения великого критика. Искусственно созданная Белинским, она разрослась, т.к. в литературу, ободренные "дидактической" критикой, кинулись люди чуждые искусству, в лучшем случае, имеющие склонность к научным занятиям. В основе подобного рода рассуждений лежит убеждение, что пути литературы определяют произвол гениальной личности, а не закономерности общественного развития.

Идеалистическое понимание литературного процесса не есть отличительная черта Дружинина. Оно свойственно критике либерально-дворянского лагеря. Суждения двух крупных его представителей - Дружинина и Анненкова - о Лермонтове, столь противоположные на первый взгляд, имеют нечто общее. Это общее - тенденция объяснения Лермонтова не временем и жизнью общества, а характером и обстоятельствами личной жизни поэта.

В очень благожелательном по тону отступлении о Лермонтове в статье Дружинина "Стихотворения Полежаева" ^{х)} говорится, что удары, "нанесенные тяжелой десницей испытующего их Промисла", сломили более слабого Полежаева и только закалили Лермонтова - великого поэта. В туманных полутонких ^{намеках} Дружинин выражает уверенность, что смерть застала тоскующего Лермонтова на пути к желанному просветлению. "Великая скорбь, так спасительно подействовавшая на все его силы, с каждым новым его произведением становилась все прозрачнее и падала, как пелена, за которой таилось что-то чудное, еще невиданное нами... В это время смерть подошла к поэту и сказала: ты не пойдешь далее" ^{xx)}.

х)

Дружинин. Собр. соч. Том 7, стр. 415.

xx)

Там же, стр. 432.

Но, пожалуй, ярче всего отношение либерально-дворянской критики к Лермонтову выразил Анненков. В своей большой статье "Замечательное десятилетие"^{х)}, написанной о Белинском, Анненков отводит несколько страниц отношениям великого критика и Лермонтова. Здесь Лермонтов предстает демоном Белинского. "Лермонтов втягивал Белинского в борьбу с собой... Ничто не было так чуждо сначала всем умственным привычкам и эстетическим убеждениям Белинского, как ирония Лермонтова, как его презрение и теплому и благородному ощущению, ... как его горькое разоблачение собственной своей пустоты и ничтожности, без всякого раскаяния в них и даже с некоторого рода кичливостью"^{хх)}.

Анненков видит в поэзии Лермонтова отголоски французского байронизма (именно даже не Байрона, а французского байронизма) и русского великосветского фрондерства, имевшего еще менее реальное основание, чем "парижский скептицизм и отчаяние". Белинский, по мнению Анненкова, видел это, но отыскивал другие причины и основания, чем те, которые "выходили из жизни поэта"^{ххх)}. Белинский защищал Лермонтова от него самого, восторгался им. Он "носился" с "Демоном", который имел для Белинского совершенно реальное содержание - с неодобрением вспоминает Анненков.

"Так боролся Белинский с Лермонтовым, который, под конец, однако же, одолел его ..."

х) Анненков. Собр. статей и заметок в трех томах. 1877-1881. Том 3.
 хх) Там же, стр. 41-45.
 ххх) Там же.

...Продолжительное наблюдение этой личности, вместе с другими, родственными ей по духу на Западе, забросило в душу Белинского первые семена того позднейшего учения, которое признавало, что время чистой лирической поэзии, святых наслаждений образами, психическими откровениями и фантазиями творчества миновало и что единственная поэзия, свойственная нашему веку, есть та, которая отражает его разорванность, его духовные немощи, плачевное состояние его совести и духа. Лермонтов был первым человеком на Руси, который навел Белинского на это созерцание...^{x)}

Для Анненкова бунтарское, "отрицательное" начало в поэзии Лермонтова - подражание французскому байронизму, нечто навеянное извне, маска. В статье Михайлова, опубликованной в "Современнике"^{xx} встречаем прямо противоположное мнение: настроения, характерные для лермонтовских стихов, далеко не случайность, не подражание модному байронизму. Они - следствие жизни того общества, к которому принадлежал поэт. "...мы вовсе не увидим в Лермонтове такого покорного подражателя Байрона, какого хотят во что бы то ни стало видеть в нем. Демон, Печорин и Мцыри объясняются столько же, если не более жизнью и личностью самого Лермонтова, насколько влиянием Байрона и его героев"^{xxx)}.

Среди противников "Современника" выделяется своей талантовостью и значительностью яркая и трагическая фигура критика-само-

x)

Анненков. Собр. статей и заметок в трех томах. 1877-1881.

Том 3.

xx)

"Современник". 1861 г., № 2, стр. 317 (подпись Л).

xxx)

Там же

бытника Аполлона Григорьева. "Единственный человек, способный выдвинуть какое-нибудь мирозерцание против нашего мирозерцания"^{х)}
 - сказал о нем Писарев .

Критическая деятельность А.Григорьева содержит в себе глубокое противоречие. Ему свойственны элементы диалектики. Критик подходит к изучению литературных фактов с широкой исторической точки зрения, стремится понять явление в развитии. Но идеалистическое мировоззрение привело его к объективно реакционному идеалу, связанному с воскрешением отживших патриархальных начал. Изучая явление в движении, он не видит его прогрессивных сторон или отрицает их и делает выводы в соответствии с предвзятым идеалом. Это противоречие резко выступает и в статьях о Лермонтове^{хх)} .

Григорьев считает, что поэзия Лермонтова имела временное ограниченное значение. Только истинно народное произведение могло, с его точки зрения, иметь непреходящее значение. Но, по мнению Григорьева, творчество Лермонтова не было народно.

Вопрос о народности искусства, так широко обсуждавшийся в 60-е годы - один из важнейших для Григорьева.

"К топору зовите Русь!" - писал Чернышевский Герцену, и в этом властном призыве - страстная вера в неотвратимую, грозную и справедливую крестьянскую революцию. Она казалась неизбежной. Чувствовалось, как нарастала и ширилась глухая ненависть народа, заму-

х)

Писарев. Соч. в четырех томах. М., 1956, т.Ш, стр.280:
 "Прогулка по садам российской словесности".

хх)

Как известно, Григорьев в статье "Лермонтов и его направление (Крайние грани развития отрицательного взгляда)" привел в систему все сказанное им ранее о Лермонтове. См.статьи: "Русская литература 1851 г." ("Москвитини", 1852 г., № 1-4), "О правде и искренности в искусстве" ("Русская беседа", 1856 г., № 3), "Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина", ("Русское слово", 1859 г., № 2, 3).

ченного ужасами умирающего крепостничества, кровавой бессмыслицей Севастопольской катастрофы. Грозовой ветер эпохи врывается на страницы журналов, наполняет их предчувственным грядущей революции.

И Григорьев, и представители враждебного ему лагеря революционной демократии ратовали за народность искусства, подходили к литературным явлениям с точки зрения народности. Но в это понятие они вкладывали совершенно разный смысл.

Для Григорьева главное в народной жизни - ее коренные нравственные начала, которые живут в преданиях и верованиях народа и которым, по его мнению, принадлежит будущее. И эти-то коренные начала народной жизни, эта "народная правда" и должна находить отражение в искусстве, должна служить критерием истинной ценности произведений.

В необычайно интересном, но, к сожалению, неопубликованном документе "Окружное послание о правилах отношений критики "Москвитинина" к литературе русской и иностранной, современной и старой"^{x)} Григорьев, исходя из этого критерия, предлагает разделить литературу на серьезную, полезную, верную народности, и литературу подражательную, не имеющую истинного значения.

"В отношении к первой полосе, т.е. к литературе дельной, - преимущественно заботиться о раз'яснении читателю ее народного смысла, ее новых сторон, показывая, в какой степени они новы, т.е. в какой степени они стары, как старо коренное русское воззрение"^{xx)}

x)

Этот неподписанный автограф, представляющий собой беловой экземпляр, хранится в архиве М.П.Погодина в рукописном фонде Государственной публичной библиотеки им.Ленина. Шифр Ф 231/111 П. 27 Кд. хр. 31. Этот интересный документ был обнаружен аспирантом филологического факультета МГУ В.Я.Данилиным.

xx)

Тем же

Этот народный смысл, это коренное русское воззрение, а отицдъ не протест против темных сторон русской жизни, видит Григорьев в пьесах Островского, полемизируя с революционно-демократическим толкованием их у Добролюбова. В Островском нашел Григорьев, как ему казалось, блестящее подтверждение своей теории народности, услышал "новое слово" русской литературы.

В "Окружном послании" Григорьев ставит перед редакцией "Новосвятинина" задачу "доказать, ... что она (т.е. народная русская литература -Ж.) не имеет целью ни пролетариатства, которого слава Богу и нет в России и который в поте лица отыскивала на чердаках и в углах Петербурга натуральная школа; ни демократизма в его политически-западном смысле; что в купечестве и простонародстве ищет она народного быта только потому, что там цельнее удержались язык, понятия и типы - которых увековечение и составляет ее художественное призвание, которых удержание есть ее общественное служение" ^{х)} .

Читая Григорьева, незвольно вспоминаешь рассуждения о народности Гелинского периода "Литературных мечтаний". Тогда о народности много говорили романтики. Народность понимали как "национальность", и при этом часто очень внешне, "этнографически". "...Докажите мне, что у нас нет никакой отмены от других народов, что у нас нет, можно сказать своих добродетелей и пороков, что язык русский весь вылит в формы чужеземные - и я соглашусь, что у нас нет и не будет народной поэзии" - пишет Орест Сомов ^{хх)} .

х)

Там же.

хх)

Орест Сомов. О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. 1823 г.

Первым огромным шагом в теоретическом осмыслении народности была статья Белинского "Литературные мечтания". Здесь Белинский понимает народ еще крайне отвлеченно, как субстанцию абсолютной идеи. "Каждый народ, согласно со своим характером, ... играет в великом семействе человеческом свою особенную, назначенную ему провидением роль и вносит в общую сокровищницу его успехов на поприще самосовершенствования свою долю, свой вклад; другими словами: каждый народ выражает собою одну какую-нибудь сторону жизни человеческой"^{x)}.

"Что такое народность в литературе?" - спрашивает Белинский. "Отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни. ... Наша национальная физиономия всего больше сохранилась в низших слоях народа..."^{xx)}

Белинский тоже связывает народность с понятием национального своеобразия, но не внешнего, а гораздо более глубокого. Он ставит вопрос в философском плане, вносит в него диалектическую сложность.

Позднее взгляд на народность литературы расширился и углубился и у самого Белинского и в критике 60-х годов. Григорьев же, при всем своеобразии в деталях, по сути дела не пошел дальше этого раннего достижения русской теоретической мысли. Для него народность - отвлеченная сущность, данная свыше, квинтэссенция "народного духа", существующая вечно в тайниках души народа и находящая отражение в его верованиях и преданиях, в "безличном" народном творчестве.

Полнее всего сохранились, по мнению Григорьева, эти нравст-

^{x)} Белинский. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. М., 1953. Том 1, стр. 28.

^{xx)} Там же, стр. 92.

венные начала народной жизни в классе среднем, в купечестве по преимуществу, а также в крестьянстве. С этими классами связана у критика идеализация и воскрешение патриархальных начал и форм жизни.

Идеалистическое понимание народности и вытекающая из него объективная реакционность идеала - слабая и наиболее уязвимая сторона критики Григорьева, почти всегда вступающая в неразрешимое противоречие с его историзмом и мешающая дать верную оценку творчества того или иного художника. Именно этим объясняется глубокая ошибочность оценки поэзии Лермонтова.

Григорьев считал значение Лермонтова в жизни и литературе временным и ограниченным, видел в творчестве поэта лишь элементы, проблески "великой правды".

"Лермонтов обладал, конечно, громадным талантом и, умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе." ^{х)} - со страстной категоричностью заявляет революционер-демократ Добролюбов.

Материалисты, демократы и в литературе подходят строго практически, спрашивая, что было создано ею, способствовавшее интересам народа, как шла она на сближение с народом и действительностью, насколько способствовала развитию идей "добра и правды"?

Вопрос о мушкетере отодвинул все другие вопросы и заставил совершенно по-новому взглянуть на проблему народности искусства.

х)

Добролюбов. "О степени участия народности в развитии русской литературы". Собр. соч. в трех томах. М., 1950, том 1, стр. 317.

Впервые у революционеров-демократов вопрос о народности приобретает вполне четко выраженный социальный характер.

"...чтобы быть поэтом истинно народным, ... надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать ровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., почувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ..."^{x)} И, оглядываясь на литературу далекого и недавнего прошлого, критик в числе немногих поэтов, обладавших этим умением, называет Лермонтова, "умевшего рано постичь недостатки современного общества" и то, "что спасение от этого ложного пути находится только в народе". Доказательство этому Добролюбов видит в "удивительном стихотворении "Родина", в котором поэт "понимает отечество истинно, свято и разумно"^{xx)}. Это было подлинным открытием. Чувство современности помогло критику увидеть совершенно новую, дотоле незамеченную грань в творчестве Лермонтова.

Для Григорьева лермонтовская поэзия - поэзия отрицания. А отрицание лишь тогда имеет, в глазах Григорьева, непреходящее великое значение, когда непосредственно вытекает из самой жизни и совершается во имя вечного и твердо сознаваемого поэтом идеала, в основе которого лежит народная правда.

В вопросе об "отрицательной" литературе на Григорьева оказал влияние ранний Белинский. В статье "Менцель критик Гете" Белинский, говоря о "нравственной литературе", по существу рассуждает о назначении искусства. Обликает Григорьева с ним общее для обоих кри-

x)

Добролюбов "О степени участия народности в развитии русской литературы". Собр. соч. в трех томах. М., 1950, том 1, стр. 314.

xx)

Там же.

xxx)

Все время имеем в виду только Белинского начала 30-х гг.

тиков неприязненное отношение к литературе, слушающей интересам момента. Политические страсти, волнующие современников, накутятся им случайными, преходящими и потому недостойными искусства.

По мнению Григорьева, в основе человеческой души лежат некоторые простые и вечные истины, которые часто бывает заглушены в людях житейской суетой. Цель художника в том и состоит, чтобы прояснить души людей. Эти великие истины должны "просвечивать" в поэтическом произведении.

Нечто подобное видим и в названной статье Белинского. Все художественное нравственно. Художественно не лишь то, что отражает истину, заключенную в вечно развивающейся идее, духе.

Григорьев не понимает свои "вечные истины" в духе почвенничества довольно просто: краткое и мудрое смирение, чистота души патриархального человека. Поэтому его положительный идеал, хотя и конкретнее, чем у раннего Белинского, но и неизмеримо уже, а проповедуемое им "истинное искусство" - беднее.

Твердого положительного идеала нет у Лермонтова, поэтому он и не смог подняться до правильного, "комического" отношения к неправде жизни. "Комизм - пишет Григорьев -, есть отношение высшего к низшему, отношение к неправде с смехом, но имя оскорбляемой ею и твердо сознаваемой поэтом правды"^{х)}.

Жизнь, отразившаяся в поэзии Лермонтова, по мнению Григорьева, - "жизнь мелкая по об'ему и значению, теряющаяся в безбрежном море народной жизни". В свете, в людях высшего общества критик видит явление чуждое, чуждое миру народной жизни. Григорьев лишь тогда оправдывает изображение этого мира, когда оно - "коми-

х)

ческое". У Лермонтова, по мнению критика, - чистое, беспощадное отрицание, переходящее порою в гордую ледяную иронию.

Но Григорьев видит у поэта проблески великой правды в том, что есть в его поэзии "физиологически нашего", верного русской народной сущности. "Горе или, лучше сказать, отчаяние, вследствие сознания своего одиночества, своей раз"единенности с жизнью; глубочайшее презрение к мелочности той жизни, которой создано одиночество, вот правда лермонтовской поэзии, вот в чем сила и искренность ее оснований..."^{x)}

"Лермонтовский Печорин влек нас всех неотразимо и до сих пор еще может увлекать, и вероятно, всегда будет увлекать тем, что в нем есть физиологически нашего..."

Эти-то элементы лермонтовской поэзии позволяют, по мнению Григорьева, думать, что в поэте должен был совершиться поворот к народности, если бы этому не помешала его ранняя трагическая гибель.

Все, что в поэзии Лермонтова чуждо народной сущности, должно быть неминуемо разоблачено жизнью. Этот вывод с неизбежностью вытекал из григорьевского понимания сущности русской литературы - стремления к народности.

Комическое разоблачение "внешних", "фальшивых" сторон лермонтовского типа видит критик в произведениях эпигонов Лермонтова и особенно в повести Авдеева "Тамарин".

"Бывают странные книги, но едва ли найдется книга страннее и, если хотите, знаменательнее "Тамарина" г. Авдеева..., наивно повторившего формы лермонтовского типа..."^{xx)} - пишет Григорьев .

x)

Там же, стр. 36.

xx)

Там же, стр. 66.

Действительно, повесть Авдеева явление странное и по-своему очень любопытное. Это бессознательное, "наивное" подражание "Герою нашего времени", не представляющее никакой художественной ценности. Подражание настолько явное, что сразу бросается в глаза. Невольно напрашивается параллель: рассказчик Иван Васильевич - Максим Максимыч, главный герой Тамирин-Печорин, Баронесса Е. - Вера. Но разумеется, как и во всяком подражании "искажен дух, смысл подлинника; ... Лермонтов - мыслитель глубокий для своего времени, мыслитель серьезный - понимает и представляет своего Печорина, как пример того, какими становятся лучшие, сильнейшие благороднейшие люди под влиянием общественной обстановки их круга, а ... Г. Авдеев добродушно выставляет своего Тамирина истинно великим человеком и добродушно преклоняется перед ним^{х)}.

По мнению Григорьева, в Тамирине, фигуре комической (не по замыслу автора, а объективно) подверглись осмеянию внешние, "миражные" черты печоринского типа.

В Лермонтове протест личности дошел до крайних своих пределов.

По самой своей природе беспощадное отрицание, отрицание без положительного идеала было неспособно к дальнейшему развитию. По мнению Григорьева, оно само себе "положило Геккулесовы столбы". Дальше идти некуда. Доказательство Григорьева видит в эпиграмах Лермонтова, доведших отрицание до абсурда.

Григорьевская статья появилась в годы расцвета обличительной литературы, в год ожесточенных споров о праве на существование

х) Чернышевский. "Романы и повести Авдеева". Полн. собр. соч. М., 1949, т.2, стр.211.

отрицательной литературы в широком смысле слова. И хотя Григорьев не был противником отрицания вообще, объективно статья могла быть воспринята как выступление против критического направления в литературе.

В философии Григорьев был идеалистом - электиком. Вопрос о составных элементах его философии очень сложен и ставить его здесь, наверное, неуместно. Бесспорно одно: идеализм Григорьева - идеализм диалектический, и именно этим обязан Григорьев своей сильной стороной своей "органической" критики - ее историзмом.

Григорьев никогда не рассматривал литературное явление вне времени. Писал ли он о Гоголе, Писемском, Лермонтове или Тургеневе - он стремился ответить на вопросы: какие общественные условия формулировали талант писателя? Как связано его творчество с предшествующей литературой? Какое влияние оно само оказало на последующую?

В "Окружном послании" Григорьев говорит, что критика "Москвитянина" должна неустанно подчеркивать связь новой литературы (имеется в виду серьезная, истинная литература и Островский прежде всего) - устной и письменной литературы допетровской эпохи, "вести ее происхождение по прямой линии от Карамзина в последние годы его и от зрелых идей Пушкина, в котором и надо очевидно для всех представить истинного отца прямых, чистых отношений мысли и чувства к народному быту".

Потенциально существующее в философском мировоззрении Григорьева противоречие воплотилось в его критике поистине трагическим для него конфликтом между историзмом и идеалистическим взглядом на ход истории, на будущее России. Это противоречие ярко сказалось в статьях о Лермонтове.

Творчество Лермонтова Григорьев рассматривал как момент, как звено в сложной цепи литературного развития. "Вот почему прежде чем говорить о нем самом безотносительно, необходимо говорить о тех элементах, из которых началась его деятельность" -
х)
пишет критик .

Он подробно останавливается на характеристике байронизма. "Байрон и байронизм, как общее, и наш русский романтизм, как особенное - вот элементы того Лермонтова, какой нам остался в его произведениях"
xx)

Григорьев почувствовал самую суть байроновской поэзии - ее бунтарство, ясный протест против пошлости и лицемерия. Ее слабой стороной он считал отсутствие положительного идеала, "высшей точки зрения".

"Байрон есть поэтическое воплощение протеста, и в этом опять-таки его сила и его слабость: сила его в том, что протесту, вызываемому всегда более или менее неправдой, душа горячо сочувствует; слабость в том, что протест этот есть протест слепой,
xxx)
протест без идеала" .

Григорьев считал, что байронизм в высшей степени ярко воплотился в Лермонтове. Но Лермонтов не мог иметь такого же огромного значения в России, какое Байрон имел на Западе.

То, что обличал Байрон, было огромной язвой всего западного мира, подлинным, а не "миряниным" недугом общества. То, против чего поднял голос Лермонтов в России, было болезнью незначительной части общества, светского "муравейника". "Правда его поэзии есть правда

х) А. Григорьев. Собр. соч. под ред. Саводника. Вып. 7. М. 1915, стр. 3.

xx) Там же, стр. 4.

xxx) Там же, стр. 12.

жизни мелкой по объему и значению, теряющейся в безбрежном море народной жизни^{x)}. Так думал Григорьев.

Критик стремится подойти к поэзии Лермонтова исторически, он хочет выяснить: какие общественные явления вызвали к жизни лермонтовское отрицание, его протест, и насколько значительны были эти общественные явления.

Но найти исторически верный ответ помешала Григорьеву его излюбленная теория субстанциальной народности.

Славянофильская теория безусловно оказала влияние на Григорьева и помешала ему исторически верно оценить значение поэзии Лермонтова.

Славянофилы считали, что после реформ Петра русское общество раскололось на два неравных лагеря: народную, хранящую русские устои, массу и стоящее на грани космополитизма "образованное" общество. Если оставлять в стороне идеалистическое и зыбкое объяснение причин этого раскола, можно увидеть, что эта теория, в известной мере отражала действительное положение вещей: между народом и образованной частью общества существовала пропасть. Исторически неверно было не считаться с ролью образованного общества только на том основании, что оно было малочисленно в сравнении с "безбрежным морем народной жизни". Разоблачение пороков и язв этого общества имело огромное значение, а не только значение "казни одинокого муравейника"^{xx)} - как думал Григорьев.

x)

Там же, стр. 16.

xx)

Там же.

Интересно сравнить точку зрения на Печорина у Григорьева и у правоверного славянофила Шевырева.^{х)}

Для Шевырева Печорин - тень недуга Запада. "На Западе он герой мира действительного. У нас - герой мира фантазии, и в этом смысле - герой нашего времени". Русская жизнь, верит Шевырев, состоит из двух противопоставленных половин: в действительности мы живем русской жизнью, в которой заложено здоровое зерно и возможность развития; в воображении мы живем жизнью Запада. Все содержание повестей Лермонтова, кроме Печорина, принадлежит нашей жизни, а Печорин, за исключением только его апатии, бывшей лишь началом его болезни, принадлежит западному".

Григорьев оказывается значительно более историчным, и хотя он и об"являет значение печоринского типа ограниченным, все же считает его верным действительности. Он стремится найти связь Печорина с русской жизнью, постичь его как следствие закономерности. Комическому разоблачению жизнь впоследствии подвергла лишь внешние, фальшивые черты этого образа (светскость, "демонизм"), трагическая же его сущность - противоречие между возможностью и свершением - осталась как трагическая черта и в героях современной критики литературы (в образах тургеневских лишних людей).

История литературы сильна актуальностью. Поэтому правы были Чернышевский и Добролюбов, делавшие Лермонтова союзником в борьбе и смело отбрасывавшие может быть и ненужный тогда об"ективный историзм.

Борясь с лишними людьми - современниками, они развенчивали их во вчерашнем дне. Они ставили литературные явления "лицом к

х)

См. статью Шевырева о "Герое нашего времени". "Москвитин", 1841 г., № 2, ч.1, стр. 515-538.

лицу с требованиями современной жизни" и уже с этой точки зрения судили их. Поэтому общественно-политические вопросы выступают в их статьях на первый план, заслоняя и подчиняя себе литературное явление. Так рождается сопоставление лермонтовского Печорина с ...Обломовым в известной статье Добролюбова, явление знаменательное и характерное для критики 60-х годов.

Статья носит открыто публицистический характер. Она направлена против инертности, бездеятельности образованной части русского общества, занимающей прожектерством в то время, когда надо энергично действовать, когда пришла пора "работы общественной". Пафос статьи именно в этом. И героем ее является не столько Обломов и лишние люди, сколько "обломовщина" - общественное явление, породившее этот тип и наложившее на него "неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете".^{х)}

Непонимание смысла жизни, отсутствие определенной цели, неспособность найти применение своим недюжинным силам, а отсюда - бездеятельность, неудовлетворенность жизнью, тоска, апатия - "родовые" черты обломовского типа. И, по мнению Добролюбова, черты эти, являющиеся порождением определенных условий, роднят Обломова с целой галереей "лишних людей", куда вместе с Онегиным, Рудиным, Гельтовым входит и Печорин.

Добролюбов, истинный сын времени, человек революционного дела, смотрит на этих героев с высоты требований современной жизни, судит их с точки зрения их отношений к "делу", считая это отношение мерилом ценности человеческой личности. Признав полную бесплодность, неспособность всех "лишних людей" к активной полез-

х)

Добролюбов. Собр. соч. в трех томах. М., 1952, том 4, стр. 127.

ной деятельности, критик произносит беспощадный приговор над ними. Так говорит он о Печорине: "А уж коли не находит дела и вследствие того ничего не делает и ничем не удовлетворяется, так это значит, что к безделью более склонен, чем к делу... Та же обломовщина..."^{х)}

Добролюбов судит лишних людей по законам 60-х годов. Он пред"являет им требования, не отвечающие ни характеру героев, ни духу их времени: соединились ли они со своими единомышленниками "для одного общего дела, образовали ли тесный союз для обороны от враждебных обстоятельств?". Мог ли Печорин об"единиться в тесный союз со своими единомышленниками? Да имел ли он их?

Собственно говоря, Добролюбов и не ставил перед собой задачи раскрыть исторический смысл каждого из героев, определить, насколько отвечают они духу своего времени, что хотел сказать художник этим образом и т.д. В 60-е г., годы пробуждения общественного сознания к политической борьбе, когда и в политике и в философии четко определились различные направления, и враждующие партии повели открытую борьбу, философские искания 30-х годов были уже прошлыми, недавними, но все же прошлыми.

Отсюда - сопоставление Печорина с Обломовым в статье Добролюбова.

Главное здесь для критика - показать полную бесплодность, несостоятельность перед лицом жизни современных ему лишних людей.

"... И ныне живут люди, представляющие как бы сколок с Онегина, Печорина, Рудина и прочих, и не в том виде, в каком они могли бы развиться при других обстоятельствах, а именно в том, в каком они представлены Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым."^{хх)}

х)

Там же, стр. 122.

хх)

Там же, стр. 131.

Против них и направлена статья Добролюбова.

Революционеры-демократы ищут себе союзников среди великих русских поэтов, используют созданные ими бессмертные образы в своей борьбе, истолковывая их в духе своего времени.

В Печорине Добролюбов видит лишь "обломовца", не способного к "делу", бесцельно и праздно тратящего свои "необъятные силы" и ведущего паразитический образ жизни. Огромный исторический смысл образа ускользает от внимания критика.

Истинную лермонтовскую проблему личности и общества, нашедшую в этом образе реалистическое воплощение, нельзя понять, не связывая ее с временем создания романа. То, что Добролюбов отрицая принадлежность Лермонтова к 30-м годам и вместе с Чернышевским относил его к гоголевскому направлению, накладывает определенный отпечаток на оценку творчества поэта, многое в ней определяет и объясняет.

Для Чернышевского Лермонтов - поэт гоголевского направления. В "Очерках гоголевского периода" читаем:

"...кто называет Гоголя односторонним и сальным, должен в такой же степени односторонним и сальным назвать и Лермонтова, находить, что "Герой нашего времени" произведение грязное и гадкое"^{x)}

....."русская литература изменилась еще значительно."

Гоголь напечатал "Ревизора". Явились Кольцов и Лермонтов".

"... когда явились Гоголь, Лермонтов и писатели так называемой натуральной школы..."^{xx)}

И Чернышевский, и Добролюбов выделяют Лермонтова среди других дворянских писателей и всемерно приближают его к себе.

x)

Чернышевский, т.3, стр.37.

xx)

Там же, стр. 181, 191.

В 1853 г. в Петербурге вышел "Сборник литературных статей", посвященный памяти Смирдина. В нем приняли участие Ф.Н.Глинка, Растопчина, Плаксин, Греч и др. Добролюбов в своей рецензии на сборник высмеял этих литературных староверов, стремившихся воскресить "давно отжившее прошедшее". В этой рецензии читаем: "При всем том, что известие г. Плаксина очень интересно, оно не дает ему права отнести Деятельность Лермонтова к 30-м годам, равно как и деятельность Кольцова и Гоголя. Другое дело - прочие таланты, которыми он доказывает процветание литературы 30-х годов, как-то: Генедиятов, Нукольник, Ершов, Бегичев, Степанов, Бернет, Масальский и многие другие "замечательные писатели, кипевшие жизнью и деятельностью". Этих мы Вам жертвуем, г.Плаксин..."^{х)}

Добролюбов понимал под 30-ми годами время с 1825-1835 г. Для него - это безвременье. А Лермонтов не поэт безвременья. Для революционных демократов, он их ближайший предшественник и потенциальный единомышленник. В "Очерках гоголевского периода" Чернышевский недвусмысленно утверждает, что Лермонтов "самостоятельным симпатиию своим принадлежал новому направлению, и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделить дружеских бесед Гелинского и его друзей"^{хх)}

Добролюбов судит Печорина по законам своего времени. Не проблему личности ищет он здесь (ибо проблема эта слишком чужда духу 60-х годов), а проблему "деятели", причем деятельность понимается именно как полезная деятельность.

х)

Добролюбов, т.1, стр. 500.

хх)

Чернышевский, т.3, стр. 223.

Лермонтов же показывает своего героя в действии, подвергая ^{х)} "проверке практикой" подлинность его "героичности"; ибо героизм всегда связывался у него с активным, действенным характером отрицания.

"Проблема действия ставится в "Герое нашего времени" во весь рост и как критерий оценки героя, и как центральная жизненная проблема для него самого, и как лирический лейтмотив его мятежных порывов" ^{хх)}.

Проблема действия приобретает особую остроту в 30-е годы, этот "век размышления" и накопления сил для борьбы, и Лермонтов поэт своего времени, ставил ее в своем творчестве, стремясь в то же время отыскать "в особенностях общественной жизни исторические границы человеческой деятельности - границы цели и форм" ^{ххх)} ее.

Но критики "Современника" чувствовали себя не в праве судить с хладнокровием об "объективного историзма" такое недавнее прошлое, каким был для них Лермонтов и его герой. Добролюбов судил их как своих живых современников. В этом была его заслуга.

Благодаря серьезному практическому подходу к литературе, необыкновенно острому ощущению современности, они впервые смогли открыть, какие огромные потенции борьбы скрыты в литературе прошлого.

х)

В. Михайлова "Проза Лермонтова". М., 1957, стр. 215.

хх)

Там же, стр. 206.

ххх)

Там же, стр. 205.